

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАННИХ
КОЧЕВНИКОВ VI-I ВЕКОВ ДО Н.Э.
САМАРСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ И ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №02-01-00264а

Самарское Заволжье и южное Приуралье, входящие в один крупный географический регион Волго-Уралья, тем не менее различаются по ландшафтам и биоценозам. В Самарском Заволжье представлены как степные, так и лесостепные растительные сообщества, в то время как в южном Приуралье господствуют степные ландшафты. В этом плане интерес вызывает вопрос о степени влияния природных факторов на особенности хозяйства ранних кочевников, осваивавших эти районы, физическом облике их носителей, сути контактов, если таковые и были, с более северными лесостепными и лесными обитателями.

В данной работе на основе краниологических материалов приводятся сведения о физических особенностях савромато-сарматского населения, обитавшего в этой части Волго-Уралья.

Автору уже приходилось характеризовать савромат и сармат Самарского Заволжья (Мышкин, Скарбовенко, Хохлов, 1999, 2000; Хохлов, 2000). На сегодняшний день этот материал по численности заметно уступает аналогичным коллекциям с территории Южного Урала и Нижнего Поволжья. Известно несколько могильников, принадлежавших собственно кочевникам, и ряд впускных погребений, которые в итоге дали сборную краниологическую серию 22 черепа (14 мужских и 8 женских). К хронологическому периоду VI-I вв. до н.э. относятся 14 черепов. Уже это подразумевает меньшую насыщенность в местных краях савромато-сармат в прошлом по сравнению с типично степными ландшафтами, что само собою логично - волго-уральская лесостепь является северной периферией ареала истинно кочевых племен.

Погребальные памятники ранних кочевников Южного Урала более представительны. К сожалению, далеко не все они исследовались антропологами. Имеется ряд антропологических работ, посвященных материалам некоторых памятников (Акимова, 1968; Юсупов, 1991; Яблонский, 1997; Ефимова, 1997; Балабанова, 2000 и др.), но опубликованные приуральские черепа в совокупности также составляют небольшую серию.

В течение 2001-2002 гг. в восточном Оренбуржье возле с.Шумаево Н.Л.Моргуновой были исследованы могильники с погребениями савроматской и сарматской культур. Из них лишь одно (Шумаево II, 2/1) относилось к савроматскому времени. Скелет из погребения сохранился

плохо. Череп восстановлен частично. Его мозговая коробка по размерам короткая и гиперширокая, визуальна высокая, а по черепному указателю ультрабрахикранная. Его теменная кость ближе к лямбдовидному пересечению швов несколько уплощена. Имеющиеся савроматские материалы Приуралья показывают, что среди них доминирует гиперморфный брахикранный краниологический тип. Этот морфологический комплекс (Балабанова, 2000, С.48) близок к типу так называемых восточных европеоидов, характеризующемуся (по ВП.Алексееву, И.И.Гохману, 1984) брахикранией, широким и умеренно профилированным по горизонтали на верхнем уровне лицом, сильно выступающим носом.

Можно сказать, что савроматские материалы из Оренбуржья (Шумаево II, 2/1) и Самарского Поволжья (Гвардейцы I, 31/4, 25/1; Березки I, ×) представляют именно такой тип.

На некоторых савроматских черепах (Березки I, ×; Шумаево II, 2/1) фиксируется некая уплощенность теменной кости у лямбдовидного пересечения швов. Складывается впечатление о дополнительном давлении на эту область черепа в период детства, которое и могло вызвать усиленную брахикранию черепа, а именно гипербрахикранию. Вероятно, здесь следует предположить наличие традиции искусственной деформации головы при помощи специальной детской колыбели типа бешика. Наиболее ранние случаи бешиковой деформации головы наблюдались на савроматских черепах Средней Азии и Казахстана, в частности могильника Южный Тагискен (Итина, Яблонский, 1997). По мнению Л.Т. Яблонского (Яблонский, 1997) этот обряд мог быть привнесен в Приуралье именно с южных территорий. Довольно отчетливо он фиксируется на приуральских материалах раннесарматского памятника Покровка II, который отличался от других покровских богатством сопровождающего инвентаря, в частности, импортного (среднеазиатского) происхождения (Яблонский, 1997). Вероятно, такая традиция доживает в Приуралье и до среднесарматского периода (Гвардейцы I, 31/3).

Раннесарматское время в целом характеризуется не меньшей, а скорее и большей сложностью антропологического состава кочевых коллективов. К примеру, в одной из последних обобщающих работ М.А. Балабанова для Нижнего Поволжья выделяет 4 морфологических комплекса. Причем приуральская сборная серия оказывается самой короткоголовой, брахикранной и низкосводной, широколицей и низколицей, умеренной в горизонтальной профилировке и углу выступления носовых костей (Балабанова, 2000, С.63, 64). Среди женских выборок, правда, приуральская не самая уплощенная в лицевом скелете.

В настоящий момент можно дополнить региональную приуральскую серию двумя мужскими и шестью в целом хуже сохранившимися женскими черепами (табл.1). Мужские черепа крупные, в среднем гиперб-

рахикранные, с высоким сводом (от порионов), широколицые, с умеренной горизонтальной профилировкой и сильно выступающим носом. Женская выборка в среднем характеризуется крупными тотальными размерами, в том числе и свода мозговой коробки (от порионов), суббрахикранией, широким и средневысоким лицевым отделом. Пожалуй, наибольшее их отличие по морфологии от мужских черепов проявляется в понижении черепного указателя и менее сильно выступающих в профиль носовых костях. На основании представленных характеристик мужская и женская выборки оказываются достаточно сходными между собой и не выявляют, таким образом, отчетливо различных морфологических тенденций.

Мужские шумаевские черепа, демонстрируя максимальную степень брахикрании, из всех раннесарматских групп степей Евразии сближаются с приуральской илекской группой (использовались серии, представленные в работе М.А.Балабановой, 2000), но отличаются от нее более высоким сводом. Однако различия по высоте мозговой капсулы на данном все-таки малочисленном материале не могут быть однозначно интерпретированы. Примечательно, что один из шумаевских мужских черепов (Шумаево II, 9/12/2) демонстрирует существенное морфологическое тождество, в том числе и по высоте свода, с савроматским из того же могильника (Шумаево II, 2/1). Близкая тенденция в сходстве между раннесарматскими и савроматскими черепами была отмечена автором для могильника Гвардейцы I Самарского Заволжья.

Таким образом, новые, пусть и количественно незначительные, материалы подтверждают тезис о том, что, и в савроматское, и в раннесарматское время у кочевников Приуралья, вероятно, был распространен гиперморфный, брахикранный европеоидный краниологический комплекс. Складывается также впечатление о близости и, возможно, о единстве исторических процессов, протекавших в среде савромато-сармат Приуралья и географически близких районов бассейна р.Самары. Вероятно, здесь фиксируется генетическая преемственность между группами кочевников, относящимися, с одной стороны, к савроматам и, с другой, к ранним сарматам.

Представленные наблюдения не означают вывода о гомогенности ранних кочевников данной части Евразии. Это было убедительно продемонстрировано Л.Т.Яблонским на примере краниологических серий нескольких покровских могильников (Яблонский, 1997), которые обнаружили различия на межгрупповом уровне. В этом плане вероятно присутствие в Приуралье населения не только резко противоположного краниологически гиперморфному типу, но и носителей вообще разных гиперморфных вариантов. К примеру, М.А.Балабановой на основании статистических расчетов было предложено дифференцировать гипер-

морфный краниологический тип ранних сармат на варианты низкосводный (с примесью монголоидного компонента) и высокосводный (европеоидный) (Балабанова, 2000, С.53). В приуральских сериях действительно есть гиперморфные, как низкосводные, так и высокосводные черепа, а также некоторые серии с подобными альтернативными тенденциями. Однако разбираться в реальности этих различий следует на более солидном антропологическом материале, которым автор в настоящее время не обладает.

Нельзя не отметить, что в шумаевской серии имеются, хотя и гораздо хуже сохранившиеся, черепа с большим продольным диаметром, менее широким лицевым отделом, и одновременно более профилированным по горизонтали. Особенно это заметно при изучении женской выборки. В русле этих рассуждений первоначально следует вспомнить об отличиях женской выборки. Соотношения диаметров мозговой коробки несколько иные, чем у мужчин - продольный диаметр большой, а поперечный средний. В итоге черепной указатель уступает таковому у мужчин - он суббрахикранный. Лобная кость поката в профиль. Нос выступает в профиль несильно. Можно объяснять отмеченные различия как результатом малочисленности выборок, так и следствием определенной гетерогенности населения раннего железного века, использовавшего сооруженные задолго до них курганные насыпи. Большинство шумаевских черепов, демонстрирующие отклонения признаков в сторону грацильности - европеоидные. Следует все-таки отметить три специфичных женских черепа. Один из них (Шумаево II, 3/6), несмотря на плохую сохранность, отчетливо долихокраний, довольно грацильный относительно других, клиногнатный - близок южноевропеоидному типу. Другой (Шумаево I, 3/2) характеризуется мезоморфией сохранившегося лицевого скелета, его хорошей профилировкой по горизонтали, высокими, но одновременно узкими и умеренно выступающими в профиль носовыми костями. В какой-то степени он напоминает местные, до появления кочевников, приуральские лесостепные формы. Третий (Шумаево II, 9/4) - долихокраний, средневысокий, демонстрирующий по результатам измерений и конфигурации лицевого скелета очевидное отклонение в сторону монголоидности. Что конкретно скрывается за такой полиморфией женских черепов, однозначно сказать трудно. Можно параллельно представить, что в самарской серии Гвардейцы I, и также среди женской части, были выявлены специфические черепа (25/2 - раннесарматский, 32/3 - среднесарматского периода; Хохлов, 2000). Они характеризуются долихо- или мезокранной, среднекрупной мозговой коробкой, умеренно профилированным в горизонтальной плоскости лицом, особенно на верхнеглазничном уровне, слабо выступающим носом. Перечисленные признаки, включая грацильность лице-

вых костей, были свойственны некоторым северным соседям савромато-сармат - носителям так называемых уралоидных антропологических черт. Можно привести в качестве примера краниологические серии из могильников Чегандинский, Камышлы-Тамакский пьяноборской культуры (Акимова, 1968). Погребенные в них люди отличались мезоморфным долихокранным черепом, ослабленной на верхнем уровне и резкой на нижнем горизонтальной лицевой профилировкой, несильно выступающим носом.

Новые материалы с территорий Самарского Заволжья и южного Приуралья дают представление о специфике и сложности антропологического состава кочевников, проживавших в регионе в VI-I вв. до н.э. Фиксируется усиление полиморфии антропологического материала, особенно при переходе от савроматской выборки к раннесарматским сериям. Вероятно, это является следствием намечающейся гетерогенности населения. За отсутствием представительных материалов пока невозможно отчетливо установить контекст таких физических новаций.

Список литературы:

- Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.
Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология Азиатской части СССР. М., 1984.
Балабанова М.А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М., 2000.
Ефимова С.Г. Антропологические данные к вопросу о территориальной дифференциации сарматских племен // КС о научных работах НИИ и Музея Антропологии им. Д.Н.Анучина. М., 1997.
Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сыр-Дарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997.
Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А. Сарматские курганы у с.Гвардейцы // Археологические памятники Оренбуржья. Вып.3. Оренбург, 1999.
Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А. Кочевники Самарского Поволжья во второй половине I тысячелетия до н. э. // Раннесарматская культура. Формирование. Развитие. Хронология. Вып.1. Самара, 2000.
Хохлов А.А. Краниология ранних кочевников I тыс. до н.э. Самарского Заволжья // Раннесарматская культура. Формирование. Развитие. Хронология. Вып.2. Самара, 2000.
Юсупов Р.М. Расогенетические связи Южного Урала и Приаралья в эпоху раннего железа // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1991.
Яблонский Л.Т. Социальная стратификация степных популяций в физико-антропологическом аспекте // Донские древности. Вып.5. Азов, 1997.

№	№ серии	Количество черепов						
		1	2	3	4	5	6	7
		4	5-42	22-57	1-2	2-4	10-18	32-42
Признак								
1.	Продольный диаметр	183,8	184,2	183,5	182,0	185,8	182,3	181,9
8.	Поперечный диаметр	140,1	142,9	146,2	161,0	143,5	150,1	145,4
17.	Высотный диаметр	132,8	136,2	131,5	-	131,0	130,9	132,2
20.	Ушная высота	114,2	115,1	116,1	119,5	116,0	115,2	114,3
9.	Наименьшая ширина лба	95,8	97,8	97,8	101,0	97,2	97,4	98,6
45.	Скуловой диаметр	134,5	133,6	137,1	145,5	136,3	137,9	135,2
48.	Верхняя высота лица	69,5	70,4	71,1	72,0	72,7	68,8	69,9
51.	Ширина орбиты от мт.	42,3	42,8	43,7	45,8	44,7	43,3	44,0
52.	Высота орбиты	32,6	33,0	33,1	32,4	34,0	33,0	33,2
54.	Ширина носа	22,6	24,4	25,1	25,8	24,3	24,4	25,0
55.	Высота носа	49,4	50,7	51,9	51,3	54,0	50,2	50,0
58.	Синотическая высота	5,3	4,8	4,6	4,6	5,7	4,4	4,5
59.	Синотическая ширина	8,4	8,5	8,6	9,6	9,1	8,3	8,4
32.	Угол профиля лба от пазнона	79,8°	85,8°	82,5°	83,0°	81,0°	82,9°	83,8°
72.	Общий лицевой угол	84,5°	89,5°	85,9°	84,0°	86,3°	86,3°	87,8°
74.	Угол альвеолярной части	74,0°	73,7°	77,2°	-	70,5°	78,8°	73,1°
75(1).	Угол выступания носа	38,8°	33,6°	30,0°	32,0°	30,0°	30,4°	29,8°
77.	Назальный угол	138,9°	138,7°	140,0°	139,8°	136,8°	141,9°	140,7°
Zm.	Зигмаксиллярный угол	126,6°	129,2°	130,0°	126,5°	127,1°	131,7°	130,9°
8/1.	Черепной указатель	76,2	77,8	80,6	88,5	77,3	82,6	80,1
40/5.	Ук. Выступания лица	97,4	95,4	96,4	-	97,8	94,9	96,2
52/51.	Орбитный ук.	77,3	76,4	75,8	72,1	76,1	76,6	75,8
54/55.	Носовой ук.	45,7	48,5	48,3	50,3	45,1	48,8	49,9
SSISC.	Синотический ук.	63,7	58,4	55,1	50,5	62,4	55,6	55,0

Таблица 1. Средние данные краниологических серий ранних сарматов Мужчины.

Примечание: 1 — мог. Журавлиха I и Тамбовка I; 2 — Донская группа; 3 — Заволжская группа; 4 — мог. Шумаево I; 5 — мог. Бережновка II; 6 — Приуральская группа; 7 — Астраханская группа. 2, 3, 6, 7 — данные М.А. Балабановой (Балабанова, 2000, с. 63); 5 — данные Б.В. Фирштейн (Тот, Фирштейн, 1970).